

В. А. КУЗНЕЦОВ

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ДОЛЬМЕНООБРАЗНЫЕ СКЛЕПЫ ВЕРХНЕГО ПРИКУБАНЬЯ¹

*(Краткие сообщения Института археологии.
Академия наук СССР. Вып. 85. 1961 г.)*

На территории Верхнего Прикубанья сохранились остатки интересных памятников эпохи средневековья, до сих пор почти не изученных. Это монументальные дольменообразные наземные склепы, нередко украшенные различными изображениями или орнаментом.

Большая часть известных нам дольменообразных склепов находится на вершине невысокого водораздельного кряжа, отделяющего долину р. Кяфар от балки р. Кривой, в 16–17 км южнее станицы Сторожевой. Расположенный здесь обширный могильник состоит из склепов и наземных каменных гробниц VIII–XII вв. Могильник обследовался археологической экспедицией Пятигорского педагогического института в 1952 и 1953 гг.², а в 1954–1957 гг. неоднократно осматривался автором. Всего обследовано 11 дольменообразных склепов. Среди них особенно выделяется массивный склеп, покрытый рельефными изображениями. Этот выдающийся по величине и многообразию изображений памятник привлек к себе внимание еще в XIX в.³, но тогда опубликованы были лишь две его плиты⁴.

Склеп (№ 1) ныне сильно разрушен – плиты стен лежат на земле, крыша не сохранилась, камера завалена камнями и землей. Однако в результате предпринятых расчисток оказалось, что основные части склепа уцелели и дают возможность представить более или менее полно его конструкцию и первоначальный вид.

Устройство склепа рисуется в следующем виде. На плоской площадке на восточном склоне кряжа был вырыт котлован, забутованный битым камнем на всю его глубину, достигающую до 0,8 м. Сверху, вдоль направления стен, положены толстые постельные плиты, плотно пригнанные одна к другой, образующие в плане четырёхугольник. Эти плиты должны были равномерно распределять нагрузку по площади фундамен-

та. Сверху на них были уложены массивные тесаные плиты, образующие цоколь. Они уже постельных и ставились так, чтобы внутренние края тех и других совпадали и создавали стенку, а внешние края образовывали ступеньки. Часть такой ступеньки прослежена с южной стороны; ширина ее—15 см. В кавказских «корочках» А. А. Спицына хранится рисунок передней стены исследованного нами склепа, где ясно видна образованная выступающим цоколем ступенька⁵.

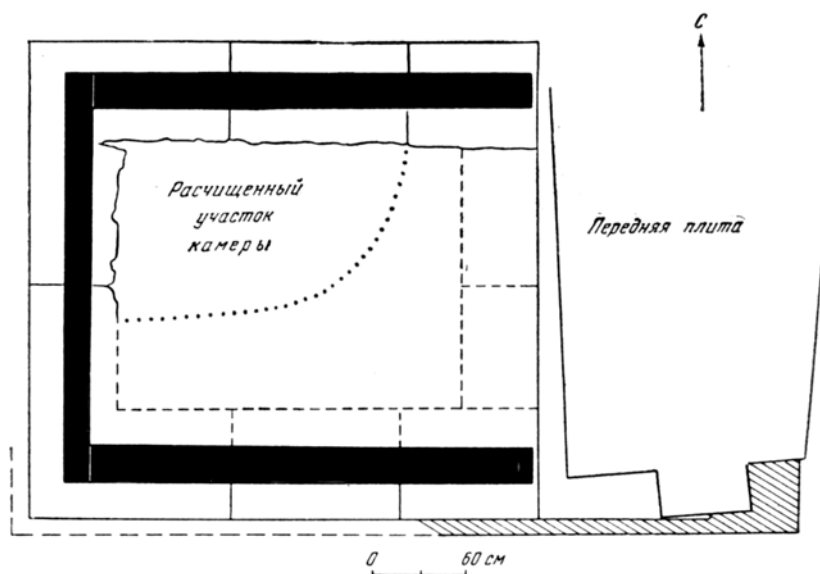

Рис. 1. Дольменообразный склеп № 1. План.

Конструкция стен, возведенных на этом фундаменте, несложна. Три стены — северная, южная и западная — составлены из тесаных песчаниковых плит, причем северная и южная — из трех, а западная стена — из двух плит (рис. 1). Толщина их различна — от 16 до 26 см. Нижние плиты всех трех стен были поставлены торцом на цоколь, но так, чтобы с внутренней стороны остался карниз шириной до 20–25 см. Нижние плиты боковых стен концами упирались в нижнюю плиту задней стены и входили в пазы передней плиты; средние, одним концом упиравшиеся в плечи передней плиты, другим концом входили в паз, образованный вырезами в задней стене. Верхние плиты, подобно нижним, упирались в заднюю стену и входили в верхний паз передней плиты, особенно массивной. Она сделана из огромного куска песчаника толщиной 0,26 м и весит не менее 2 тонн. С двух сторон ее вырублены симметрично выступающие плечи размером

0,55x0,3 м. В целом получалась оригинальная система двойного связывания плит, составлявших склеп. Эта связь осуществлялась при помощи пазов в задней стене и плеч передней, причем они взаимно дополняли друг друга. Никакой иной связи плит не было. Очевидно, для увеличения прочности склеп сверху слегка суживался.

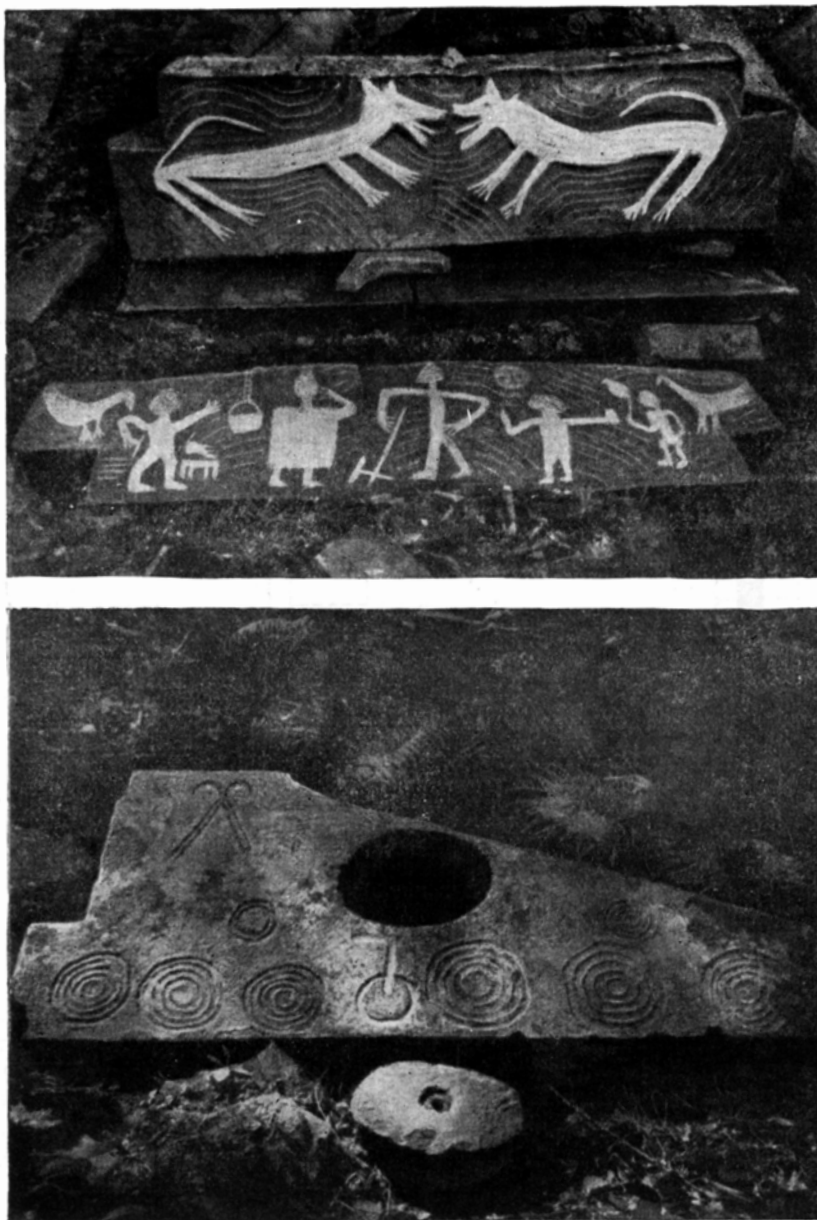
В передней плите, на расстоянии 0,8 м от нижнего края, сделано круглое отверстие диаметром 0,48 м. Среди камней, лежавших вокруг, найдена втулка, точно соответствующая отверстию. Внутренняя ее часть плоская, внешняя – слегка выпуклая. Толщина втулки – 15 см. Интересно, что крыша склепа была двускатной, о чем свидетельствуют слегка сходящие на конус передняя плита и верхняя плита задней стены (рис. 2–1). Крыша, по-видимому, состояла из двух цельных плит во всю длину склепа; никаких приспособлений для ее крепления на стенах не сохранилось. Более определенно можно представить устройство пола. Как отмечалось выше, в камере оставался карниз шириной до 20–25 см. Он служил опорой для пола, выложенного из каменных плит, плотно пригнанных одна к другой и, вероятно лежавших по ширине склепа.

Расчисткой 1956 г. установлено, что постельные и цокольные плиты с восточной стороны выступают далеко вперед, образуя у передней стены нечто вроде площадки, длиной до 1,8 м; ширина осталась неопределенной, так как почти вся площадка занята рухнувшей передней стеной.

Такова конструкция дольменообразного склепа № 1 (рис. 3–1). Длина его составляет 3,05 м, ширина – 2,7 м, высота – 1,85–1,9 м. Размеры камеры: длина – 2,65 м, ширина – 2,2 м. Все плиты, составлявшие стены, покрыты рельефными изображениями людей, животных, птиц, несомненно, составлявшими какие-то сюжетные сцены. Изображения почти все плоские; стремление к объемной передаче фигур чувствуется лишь на передней плите, отделанной наиболее тщательно (рис. 3–2).

По богатству и разнообразию изображений склеп № 1 можно считать уникальным. Интерпретация этих интереснейших изображений требует специального исследования. Сейчас можно лишь отметить, что на нижней плите северной стены мы видим военную сцену (рис. 4–3), на верхней плита южной стены – пиршество и танец и т. д. (рис. 4–4). Рельефы передней плиты наводят на мысль о символическом значении ее изображений. Воин с секирой и собака охраняют вход, а две фигуры по бокам, возможно, олицетворяют скорбь по усопшим. Значение апотропея могут иметь и 3 креста, высеченные вокруг отверстия (рис. 3–2).

Всего христианских крестов – семь; они есть на каждой стене. Сочетание креста с языческими изображениями свидетельствует о синкретизме религиозных представлений людей, соорудивших склеп.

*Рис. 2. Плиты из дольменообразных склепов.
1 – плиты задней стены склепа № 1; 2 – передняя плита одного
из разрушенных склепов и втулка от нее.*

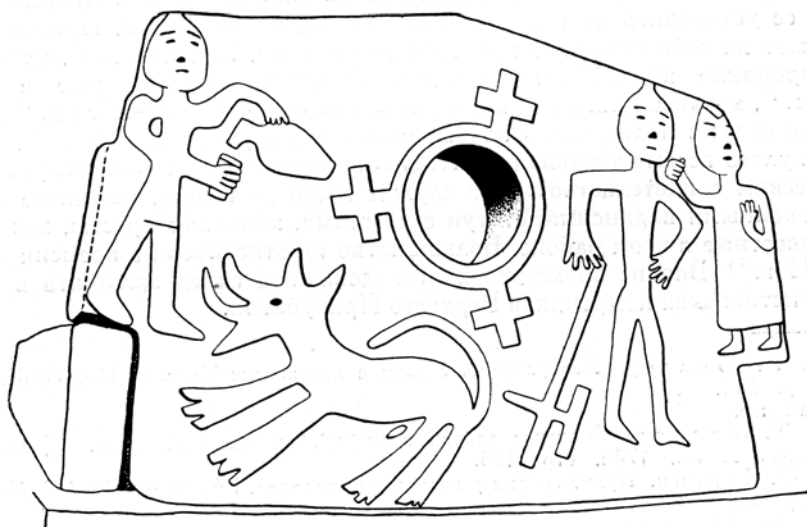
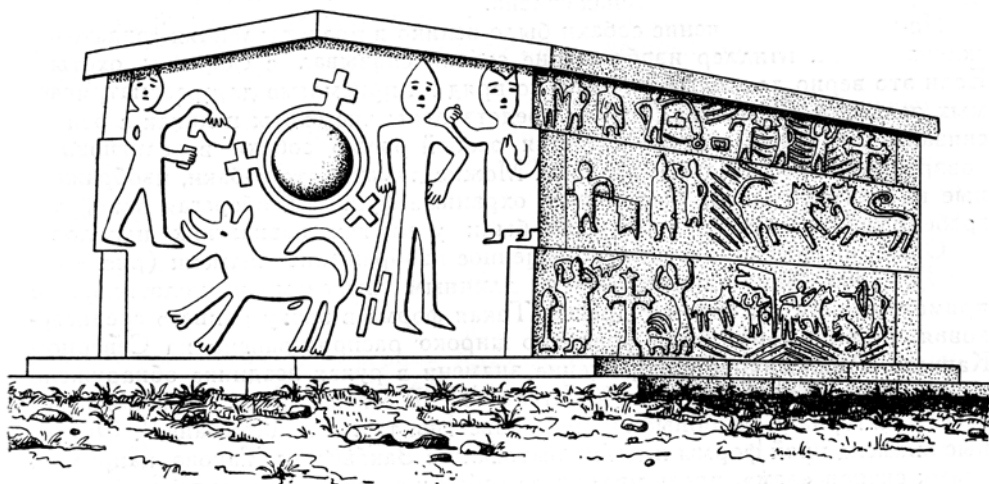

Рис. 3. Реконструкция дольменообразного склепа № 1 (1) и передняя плита (2) этого склепа (по МАК, вып. IX; прорисовка).

Следует обратить внимание на изображения собак (рис. 2–1). Их пять, причем все они трактованы одинаково: вытянутые вперед ноги, открытые лающие пасти с длинными языками, торчащие уши и завернутые вверх хвосты. Эта трактовка на Северном Кавказе традиционна и известна еще в эпоху Кобани⁶. Изображения собак на стенах склепа свидетель-

ствуют о глубокой местной кавказской основе, с которой связаны изображения и на кобанской бронзе, и на стенах склепа.

По-видимому, значение собаки было велико в представлениях создателей склепа. А. А. Миллер изображение собаки связывал с сюжетом охоты⁷. Если это верно для эпохи Кобани, то вряд ли приемлемо для рассматриваемых рельефов. Здесь все 5 собак представлены вне охоты и никак с ней не связаны. Вероятно, это объясняется особой ролью собаки в религиозных воззрениях более позднего времени. Можно думать, что собаки, изображенные на плитах склепа, выполняют охранные функции, оберегая покой погребенных⁸. Такие представления были у многих кавказских народов⁹.

Очень интересно дважды помещенное изображение знамени (рис. 4–2, 3). Оба они одинаковы – с длинным вырезом в полотнище и прямоугольным выступом у древка. Такая форма в эпоху раннего средневековья, по-видимому, была довольно широко распространена на Северном Кавказе. Аналогичное изображение знамени в руках всадника обнаружено на скалах у селения Капчугай в Дагестане¹⁰. В северокавказском этнографическом материале подобные знамена известны также в Дагестане¹¹. Фигурные знамена иной формы недавно бытовали в Закавказье. Таково, например, знамя сванов «лем», представляющее собой полулю фигуру льва¹².

Расчистка камеры склепа не дала никаких археологических материалов, которые могли бы быть использованы для датировки. Можно попытаться ее установить на основании описанных изображений. Прежде всего обращают на себя внимание христианские кресты. Как известно, христианство проникло в центральную часть Северного Кавказа уже в VII–VIII вв.¹³, а у адыгских племен оно появилось еще раньше – с VI в.¹⁴ В X в. христианизации подверглись аланы, жившие в верховьях Кубани¹⁵. Здесь развернулась весьма активная деятельность византийских миссионеров, археологическим свидетельством чего служат храмы, часовни, каменные плиты с заупокойными надписями, статуи с крестами, каменные кресты, во множестве известные в этом районе. Большинство их относится ко времени с X в. по XIII в.¹⁶ Вполне возможно и исследованный склеп включить в число этих христианских памятников Верхнего Прикубанья.

Рельефные изображения склепа находят аналогии в некоторых каменных надгробиях эпохи средневековья. Назовем статую Дука-бек, происходящую из Пятигорья. На ее лицевой стороне – рельефные фигуры двух всадников, а выше – людей, черпающих из большого сосуда. Другие стороны покрыты изображениями животных, людей, стреляющих из лука, а на левой стороне статуи представлена сцена борьбы с чудовищем¹⁷. Сходны не только технико-стилистические приемы, но и сюжеты изо-

бражений. Оба памятника – дольменообразный склеп и статуя Дука-бек – принадлежат кавказским племенам, отражают сходные религиозно-мифические представления и относятся, очевидно, к одному времени.

Вопрос о дате Дука-бека вызвал различные мнения. Сохранившуюся в его надписи дату Попадопуло-Керамевс читал как 1623 г.¹⁸ Другое толкование даты – 1130 г. – было дано В. В. Латышевым¹⁹. Эту дату поддержал В. Ф. Миллер²⁰; к XI–XII вв. относил Дука-бека И. А. Бартоломей²¹, ко времени не ранее XII в. – Г. Д. Филимонов²²; XII в. принимает и Л. И. Лавров²³.

Таким образом, большинство исследователей датирует памятник XII в. или временем, близким XII в.

Следует, однако, отметить, что надгробные памятники с близкими по характеру рельефами на Северном Кавказе известны и позже – вплоть до XVI в.²⁴ Но относить дольменообразный склеп № 1 к такому позднему времени нет оснований. В этом лишний раз убеждают предметы, изображенные на плитах склепа. Среди них наиболее четко представлены лук, меч, щит, 4 секиры, котел на цепи и 3 кувшина с носиками. Все секиры – одного типа, Т-образные (рис. 3–2; рис. 4–5, б); на Северном Кавказе они известны пока в небольшом числе, их хронология и типология не разработаны. Из центральных районов Северного Кавказа я знаю лишь две сходные секиры – из могильников Камунты²⁵ и Чми²⁶. Три Т-образные секиры происходят из верховьев Кубани²⁷. В станице Зеленчукской и в ущелье р. Теберда найдены две каменные статуи воинов, на поясе которых висят такие же секиры²⁸.

Датировка этих статуй не установлена. Более определенные указания мы находим у Т. М. Минаевой. Одна из опубликованных ею секир происходит из Усть-Тебердинского могильника IX–X вв., другая – из могил VIII–IX вв. на Амгате²⁹. Формы последней еще слабо развиты (как и у секиры из Камунты). П. С. Уварова относит погребения, из которых происходят верхнекубанские секиры, к первым столетиям II тысячелетия н. э.³⁰ В странах Юго-Восточной Европы Т-образные секиры встречаются в комплексах IX в.³¹ и позже³².

По свидетельству П. С. Уваровой, секиры описанного типа находили вместе с высокими кувшинами с «губообразным носиком»³³. Речь идет о том же типе кувшинов, которые изображены на рельефах склепа (рис. 32–2; рис. 4–4). Аналогичные сосуды хорошо известны в верховьях Кубани³⁴, в Кабарде³⁵ и Осетии³⁶. Это довольно поздний тип высокого, обычно серого кувшина с высоким горлом, носиком-сливом и одной ручкой. Такие кувшины в большом количестве найдены во время последних раскопок Змейского катакомбного могильника, хорошо датирующегося XI–XII вв.³⁷

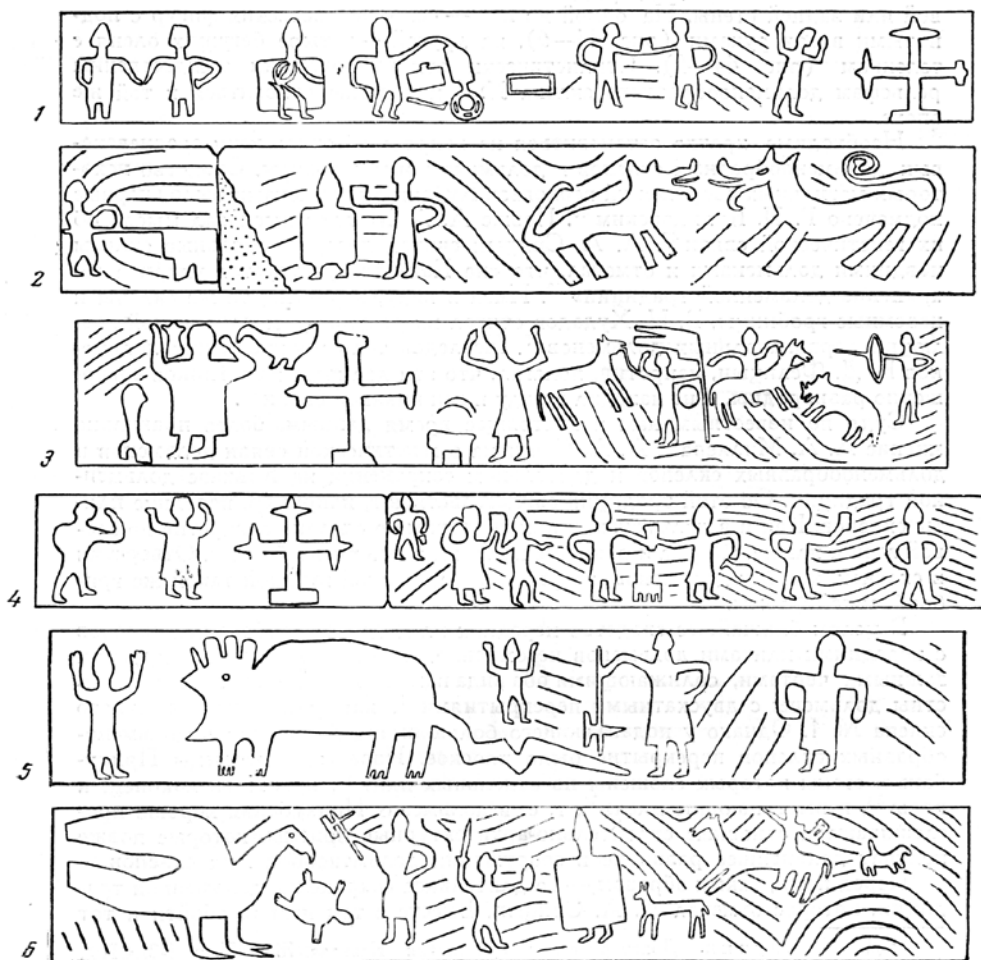

Рис. 4. Дольменообразный склеп № 1, прорисовка изображений на плитах.

1 – верхняя плита; 2 – средняя плита; 3 – нижняя плита (северная стена);

4 – верхняя плита; 5 – средняя плита; 6 – нижняя плита (южная стена).

Нельзя также не отметить близкого сходства некоторых изображений склепа № 1 с фигурами на штампованной средневековой керамике Закавказья. Разумеется, это сближение следует считать в известной степени условным, так как параллели из Закавказья принадлежат иному этно-культурному кругу и выполнены в другой технике. Тем не менее сходство тех и других изображений велико: на штампованных поясах закавказских карасов мы видим такие же человеческие фигуры с кубками в руках³⁸, такие же изображения собаки³⁹, христианские кресты⁴⁰ и т. д.

Датировка закавказских штампованных карасов установлена достаточно твердо – XI–XIII вв.⁴¹ Резюмируя все изложенное, мы приходим к выводу, что наиболее приемлемой датой для дольменообразного склепа № 1 будут XI–XII вв.

Как уже отмечалось, на том же могильнике исследованы остатки еще десяти дольменообразных склепов. Все они были, как и склеп № 1, ориентированы передними плитами на восток и ныне ограблены и разрушены. По конструкции они принципиально не отличаются от склепа № 1. Размеры их также близки. Так, обследованный нами склеп № 2 был длиной 3,16 м, шириной 2,35 м; длина камеры – 1,87 м, ширина ее – 1 м. В передней плите сделаны пазы и овальное отверстие диаметром 46 X 36 см. Такие же цельные или составные передние плиты сохранились и от остальных склепов (рис. 5 – 1–3). В них обязательно сделано отверстие, в большинстве случаев – овальной формы. Лишь в одной плите отверстие правильно круглое (рис. 5–3). Эта плита интересна тем, что имеет по 3 уступа с каждой стороны, а на ее поверхности выбиты 2 креста и 4 тамги⁴². На другой плите высечены два христианских креста (рис. 5–1). Встречаются знаки тамги (рис. 5–2) и среди изображений на других плитах, в том числе – боковых. Зафиксировать их на всех плитах не удалось, так как многие из них были перевернуты. На некоторых плитах выбиты концентрические круги; возможно, это солярные знаки (рис. 2–2). Неоднократно встречен орнамент в виде ломаной линии. Такие же зигзагообразные линии зафиксированы Е. Д. Фелициным на внутренней стороне дольмена в Кабардинском ущелье и на дольмене у дер. Адербиевской. В других местностях Северо-Западного Кавказа такой орнамент на дольменах неизвестен⁴³.

Возле одной из плит обнаружена отлично сохранившаяся втулка, напоминающая шляпку гриба (рис. 2–2). В центре ее сделано сквозное отверстие диаметром 3 см.

Общность конструкции рассмотренных дольменообразных склепов с конструкцией склепа № 1 позволяет отнести их суммарно к тому же времени – к XI–XII вв.

Дольменообразные склепы известны не только в междуречье рек Кяфар и Кривая. Еще в прошлом столетии Д. Н. Анучин писал, что дольмены есть «по слухам, в верховьях Кубани»⁴⁴. В 1940 г. в ауле Верхняя Теберда были зафиксированы остатки дольменообразных склепов одного типа со склепами р. Кривой⁴⁵. Отдельные их плиты были вывезены жителями аула Топаем и Идрисом Азаматовыми. В одной из них мы легко узнаём поломанную переднюю плиту с тамгой и рельефным всадником, держащим в руках лук (рис. 5–4). Две другие плиты были составными

частями боковой или задней стены. На одной из них – семь человеческих фигур с поднятыми вверх руками (рис. 5–6), на другой – четыре бегущих оленя с телятком (рис. 5–5). Стилистически эти изображения тождественны рельефам дольменообразного склепа № 1 и должны относиться к той же эпохе.

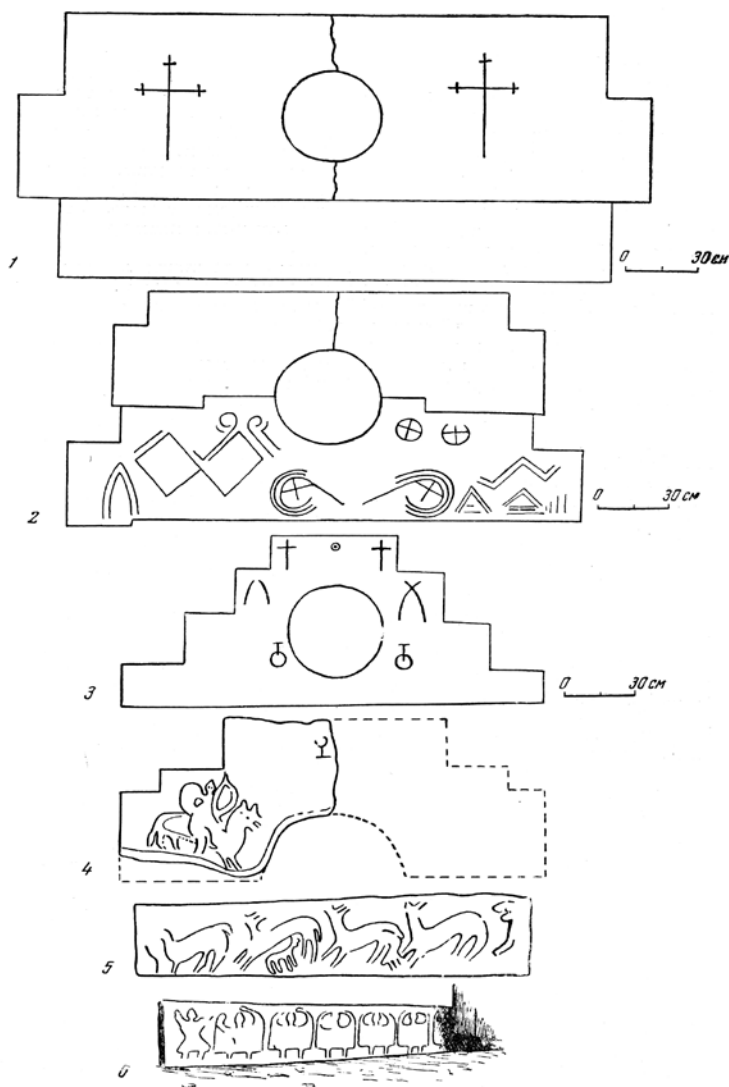

Рис. 44. Плиты дольменообразных склепов Северного Кавказа.
1-3 – передние плиты склепов на р. Кривой; 4-6 передняя и боковые плиты дольменообразного склепа из Верхней Теберды.

Необходимо кратко остановиться на вопросе об отношении средневековых дольменообразных склепов к дольменам эпохи бронзы. Сходство некоторых могильных сооружений верховьев Кубани с дольменами было впервые подмечено Г. И. Куликовским⁴⁶. Позже А. А. Миллер высказал мысль об их генетической связи⁴⁷. А. А. Спицын считал дольменообразные склепы поздними дольменами и отмечал, что «на Кавказе чувствуется упорное сохранение дольменной традиции»⁴⁸. Имея в виду, вероятно, те же склепы и наземные гробницы, В. Н. Худадов считал их результатом длительной эволюции первоначальных дольменов⁴⁹. Исследователь прикубанских дольменов Е. Д. Фелицын, напротив, полагал, что эти два вида памятников совершенно разнородны, и не находил между ними никакой связи⁵⁰.

Судя по известным нам в настоящее время данным, более правильно мнение А. А. Миллера и А. А. Спицына о генетической связи дольменов и дольменообразных склепов и длительном сохранении на Кавказе дольменной традиции. Об этой традиции свидетельствуют, например, передние плиты склепов. Как и в дольменах, в них обязательно сделано отверстие по осевой линии плиты. Форма и размеры их там и здесь очень близки. Отверстия в склепах, как и у дольменов, закрывались каменной втулкой такой же грибообразной формы.

В целом ближайшее сходство передних плит дольменообразных склепов с передними плитами дольменов несомненно. Оно подтверждается другими важными чертами, сближающими оба вида памятников. Так, например, известны дольмены с двускатными перекрытиями⁵¹, как у дольменообразного склепа № 1. Однако у подавляющего большинства дольменов и дольменообразных склепов перекрытие было плоское. Известны дольмены Прикубанья, стены которых сложены из отдельных плит⁵²; известны, наконец, и пазы⁵³, и выступающие плечи⁵⁴, т. е. в дольменах Прикубанья хорошо прослеживаются основные строительно-архитектурные приемы, которые позже получают дальнейшее развитие в сооружении дольменообразных склепов.

Перед нами, таким образом, — то длительное сохранение дольменной традиции, которое отмечал А. А. Спицын. Вместе с тем нельзя обойти и тот факт, что до сих пор неизвестны промежуточные формы — связующее звено между дольменами и дольменообразными склепами. Мы знаем пока лишь то, что дольмены Прикубанья использовались для погребений и в более позднее время, вплоть до первых столетий нашей эры⁵⁵. Следовательно, местное население еще в начале нашей эры хорошо знало дольмены и их назначение. Но это не снимает вопроса о строительстве дольменных сооружений в промежуточную эпоху. Ответить на этот вопрос

пока трудно, так как исследователи дольменов Прикубанья Е. Д. Фелицын и В. М. Сысоев из общего числа их (не менее 1200)⁵⁶ изучили незначительную часть. С тех пор раскопки прикубанских дольменов не производились, и наши представления о них базируются лишь на старых данных.

С другой стороны, дольменообразные склепы конструктивно связаны с наземными каменными гробницами, широко распространенными в Верхнем Прикубанье⁵⁷. Могильник, исследованный нами, состоит в основном из гробниц этого типа⁵⁸. В передней стене их обязательно проделано отверстие прямоугольной формы. В массе своей гробницы несложны по устройству и значительно проще склепов; но встречаются и более сложные сооружения переходного типа, сочетающие черты обычной гробницы и дольменообразного склепа⁵⁹.

Исследованные нами на р. Кривой наземные гробницы относятся к VIII–XII вв. и, таким образом, синхронны с дольменообразными склепами. И те, и другие, взятые в совокупности, занимают вполне определенную область. Границы ее очерчиваются следующим образом: на востоке – до меридиана Эльбруса, на юге – по Кавказскому хребту, на севере – по линии предгорья, на западе – между реками Кяфар и Уруп. За пределами этой области ни дольменообразные склепы, ни наземные гробницы не известны.

Распространение на указанной территории Верхнего Прикубанья характерных именно для нее могильных сооружений свидетельствует о бытовании здесь в эпоху средневековья локальной группы родственных племен или одного крупного племени. Какова их этническая принадлежность?

Устанавливаемая генетическая связь дольменообразных склепов с дольменами ведет нас в Среднее Прикубанье, на территорию, исторически известную как прародина современных адыгов. Эта часть Прикубанья уже в III–II тысячелетиях до н. э. была тесно связана с древнейшим населением Черноморского побережья Кавказа⁶⁰. Исследованиями Л. Лопатинского⁶¹, И. А. Джавахишвили⁶² и других ученых установлено, что древние племена Черноморского побережья и Северо-Западного Кавказа (синды, меоты, зихи и др.) были далекими предками адыгов. Это автохтонные племена, истоки культуры которых уходят в глубокую древность и с предками которых можно связывать дольменную культуру Западного Кавказа.

Таким образом, на территории Северо-Западного Кавказа и Черноморского побережья в III–II тысячелетиях до н. э. бытовала дольменная культура, носители которой принадлежали к одной домеотской (доадыг-

ской) этнической общности, входящей в круг иберо-кавказских древних племен. С этим древнейшим домеотским этническим массивом и связаны появление и распространение в Прикубанье дольменов, первоначальным районом бытования которых было Черноморское побережье⁶³.

Приведенные связи показывают, что глубоко местный этнос, создавший дольменообразные склепы, должен быть признан адыгским или родственно связанным с меото-адыгами.

В. Ф. Миллером было установлено, что Верхнее Прикубанье в эпоху раннего средневековья было заселено племенами ираноязычных алан⁶⁴. Действительно, письменные источники свидетельствуют об аланах в верховьях Кубани, а раскопки могильников эпохи раннего средневековья дают материал, близкий аланским памятникам Центрального Кавказа⁶⁵. В связи с этим средневековые памятники Верхнего Прикубанья вплоть до последнего времени было принято безоговорочно связывать с аланами, не углубляя внутреннего содержания этого этнонима.

В действительности дело гораздо сложнее (и археологический материал подтверждает это). Нельзя отрицать существования в Верхнем Прикубанье несомненно сармато-аланских памятников (Байтал-Чапкан)⁶⁶ и значительной сарматизации местной материальной культуры. В Верхнем Прикубанье появляются зачатки иранской письменности⁶⁷, иранская топонимика⁶⁸. Все это свидетельствует о включении ираноязычного этнического элемента в местную среду, но местные кавказские племена не исчезли и не были ассимилированы; они сохранили такой важнейший этнографический признак, как обряд погребения в наземных гробницах и дольменообразных склепах.

Эти местные племена и составили основу смешанного этнического массива, который мы знаем здесь под именем алан. Этнически неоднородное население Верхнего Прикубанья входило в политические границы обширного племенного союза, возглавлявшегося аланами. Письменные источники начинают называть его «аланы», хотя это и не раскрывает этнической сущности; в основе своей она остается глубоко кавказской, со значительной иранской примесью. Таким образом, в Верхнем Прикубанье можно наблюдать интересную картину многообразного этнического процесса, который начинает вырисовываться во всей его сложности.

Дольменообразные склепы свидетельствуют о большой социальной дифференциации. Простые по устройству и небогатые по инвентарю наземные гробницы принадлежали рядовым членам общества, дольменообразные склепы могли сооружаться только для знатных. Их создание стоило огромного труда и материальных затрат и было под силу, по-

видимому, лишь феодализирующей верхушке аланского общества, переживавшего период распада первобытно-общинных отношений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Доклад, прочитанный на Секторе скифо-сарматской археологии ИИМК 13 ноября 1957 г.

² В 1952 г. – под руководством П. Г. Акритас, в 1953 г. – под руководством В. А. Кузнецова. Фотограф В. А. Дерябин.

³ А.–Д. Г. Очерк горских народов правого крыла Кавказской линии. Военный сборник, 1860, № 11, стр. 289.

⁴ Е. Д. ФЕЛИЦЫН. Западнокавказские дольмены. МАК, IX, 1904, стр. 85, рис. 39, табл. X; А. М. Tallgren. Sur les monuments megalithiques du Caucase Occidental. ESA, t. IX, Helsinki, 1934, стр. 15, рис. 16.

⁵ Архив ЛОИА, ф. 5, арх. № 307, л. 117.

⁶ А. А. МИЛЛЕР. Изображения собаки в древностях Кавказа. ИРАИМК, т. II, 1922, стр. 321.

⁷ Там же.

⁸ В. Ф. МИЛЛЕР. Значение собаки в мифологических верованиях. «Древности», т. VI, вып. 3. М., 1786, стр. 195.

⁹ Г. Ф. ЧУРСИН. Культ собаки у кавказских народов. Бюллетень КИАИ, № 5, Л., 1929, стр. 20.

¹⁰ В. И. МАРКОВИН. Наскальные изображения в предгорьях Северо-Восточного Дагестана. СА, 1958, № 1, стр. 152, рис. 6, а.

¹¹ Дагестанский сборник. Махач-Кала, 1927, рисунок на стр. 41. По сообщению В. И. Марковина, в Дагестане и сейчас могилы почитаемых людей часто украшаются белым флагом с треугольным вырезом.

¹² Н. БЕРДЗЕНИШВИЛИ, И. ДЖАВАХИШВИЛИ, С. ДЖАНАШИА. История Грузии, ч. I, Тбилиси, 1950, стр. 11.

¹³ СА, XXI, 1954, стр. 412, 413.

¹⁴ Е. П. АЛЕКСЕЕВА. Материалы к древнейшей и средневековой истории адыгов. Труды Черкесского научно-исследовательского института, т. II, Черкесск, 1954, стр. 223.

¹⁵ Ю. КУЛАКОВСКИЙ. Христианство у алан. «Византийский временник», т. V, вып. 1–2, СПб., 1898, стр. 7 и сл.

¹⁶ См., например, МАК, III, 1893, стр. 110 и сл.; Н. Я. Динник. Верховья Большого Зеленчука и хребет Абишира-Ахуба. Тифлис, 1899, стр. 11 и др.

¹⁷ МАК, III, 1893, табл. LXII и LXVI.

¹⁸ ЗРАО, т. II, новая серия, 1887, стр. CLXI. Близкой даты придерживается А. А. Иессен (МИА, № 3, 1941, стр. 34).

- ¹⁹ В. В. ЛАТЫШЕВ. Кавказские памятники в Москве. ЗРАО, т. II, новая серия, 1887, стр. 45 и сл.
- ²⁰ В. Ф. МИЛЛЕР. Отголоски кавказских верований на могильных памятниках. МАК, III, 1893, стр. 124.
- ²¹ ЗРАО, т. III, 1851, стр. 68.
- ²² Г. Д. ФИЛИМОНОВ. Древние каменные изваяния в Пятигорске. Вестник Общества древнерусского искусства, № 11-12, М., 1876, стр. 77.
- ²³ Л. И. ЛАВРОВ. Адыги в раннем средневековье. Сб. статей по истории Кабарды, вып. 4, Нальчик, 1955, стр. 53.
- ²⁴ В. Ф. МИЛЛЕР. Отголоски кавказских верований..., стр. 126 и сл.
- ²⁵ E. CHANTRE. Recherches anthropologiques dans le Caucase, t. III, Paris – Lyon, 1887, табл. XI, 2.
- ²⁶ Хранится в ГИМ, инв. № 76990.
- ²⁷ МАК, VIII, 11900, стр. 348, рис. 274; Т. М. МИНАЕВ. Могильник в устье реки Теберды. Материалы по изучению Ставропольского края, вып. 7, 1955, рис. 3–8.
- ²⁸ МАК, VII, 1898, стр. 139, рис. 32; МАК, IX, 1904, стр. 150, рис. 60.
- ²⁹ Т. М. МИНАЕВА. Указ. соч., стр. 276–278.
- ³⁰ П. С. УВАРОВА. Могильники Северного Кавказа. МАК. VIII. 1990, стр. 348.
- ³¹ А. Ч. ШОШ. Могильник II аварской эпохи в Юллэ, Acta archaeologica, t. VI, Budapest, 1955, табл. LXVI, 5.
- ³² АБОБА-ПЛИСКА. Альбом к X тому Известий Русского археологического института в Константинополе. Вена, 1905, табл. IX, 15.
- ³³ П. С. УВАРОВА. Указ. соч.
- ³⁴ См., например, Т. М. МИНАЕВА. Указ. соч., рис. 6, 7.
- ³⁵ Материалы Кабардино-Балкарского музея краеведения.
- ³⁶ Материалы Северо-Осетинского музея краеведения.
- ³⁷ В. А. КУЗНЕЦОВ. К вопросу о позднеаланской культуре Северного Кавказа. СА, 1959, № 2, стр. 99, рис. 2, 1, 2.
- ³⁸ См., например, Н. Я. МАРР. Ани. Л.– М., 1934, табл. XLV, 192a.
- ³⁹ Д. Н. ЛЕВИАТОВ. Керамика Старой Ганджи. Баку, 1940, рис. 3, 7.
- ⁴⁰ Экспозиция Государственного исторического музея Армении.
- ⁴¹ В. Н. ЛЕВИАТОВ. Указ. соч.; Б. А. ШЕЛКОВНИКОВ. Художественная керамика двинских раскопок. Изв. Армянского филиала АН СССР, № 4-5, Ереван, 1940, стр. 183; Г. О. КАРАХАНЯН. Неполивная орнаментированная керамика из раскопок Двина и Ани. Автореферат, Ереван, 1954, стр. 8.
- ⁴² См., например, В. П. ПОЖИДАЕВ. Кабардино-черкесская тамга и кавказский орнамент. УЗ КНИИ, т. IV, Нальчик, 1948, табл. III, пятый и седьмой ряды.
- ⁴³ Е. Д. ФЕЛИЦЫН. Указ. соч., стр. 31, 32, рис. 15.
- ⁴⁴ Д. Н. АНУЧИН. Доисторическая археология Кавказа. ЖМНП, т. 1-2, СПб., 1884, стр. 235.

- ⁴⁵ Архив ЛОИА, ф. 35, д. 7/1940, л. 18, рис 15–18.
- ⁴⁶ «Археологические известия и заметки», т. I, М., 1893, стр. 41.
- ⁴⁷ А. А. МИЛЛЕР. Указ. соч., стр. 320; его же. Краткий отчет о работах Северокавказской экспедиции в 1923 г. ИРАИМК, т. IV, 1925, стр. 38.
- ⁴⁸ А. А. СПИЦЫН. Разведки памятников материальной культуры. Л., 1927, стр. 68.
- ⁴⁹ В. Н. ХУДАДОВ. Мегалитические памятники Кавказа. ВДИ, 1937, № 11, стр. 198.
- ⁵⁰ Е. Д. ФЕЛИЦЫН. Указ. соч., стр. 18.
- ⁵¹ ОАК за 1898 г., стр. 33–37, рис. 48.
- ⁵² Е. Д. ФЕЛИЦЫН. Указ. соч., стр. 14, 27, 28, рис. 9, 10.
- ⁵³ Там же, стр. 19.
- ⁵⁴ В. М. СЫСОВЕВ. Археологическая экскурсия по Закубанью в 1892 г., МАК, IX, 1904, стр. 116, рис. 51; А. ЛЕЩЕНКО. Матеріали до орнаментики дольменів на північно-західньому Кавказі. «Антропологія», IV, Київ, 1931, стр. 245, рис. 6.
- ⁵⁵ Е. Д. ФЕЛИЦЫН. Указ. соч., стр. 56, рис. 78; стр. 59, рис. 29; стр. 61.
- ⁵⁶ Там же, стр. 13.
- ⁵⁷ ОАК за 1898 г., стр. 40, 41; ОАК за 1899 г., стр. 52 и сл., и др.
- ⁵⁸ В. А. КУЗНЕЦОВ. Наземные гробницы на реке Кривой в Ставропольском крае. КСИИМК, вып. 76, 1959, стр. 83 и сл.
- ⁵⁹ Е. Д. ФЕЛИЦЫН. Указ. соч., табл. XIII, 25.
- ⁶⁰ Е. И. КРУПНОВ. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, стр. 74.
- ⁶¹ Л. ЛОПАТИНСКИЙ. Заметка о народе адыге и кабардинцах в частности. СМОМПК, т. XII, Тифлис, 1891, стр. 1, 2.
- ⁶² И. А. ДЖАВАХИШВИЛИ. Основные историко-этнологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи. ВДИ, 1939, № 4, стр. 44.
- ⁶³ Б. А. КУФТИН. Материалы к археологии Колхиды, т. I. Тбилиси, 1949, стр. 258 и сл.
- ⁶⁴ В. Ф. МИЛЛЕР. Осетинские этюды, ч. III, М., 1887, стр. 112–116.
- ⁶⁵ Раскопки Т. М. Минаевой и Е. П. Алексеевой.
- ⁶⁶ Т. М. МИНАЕВА. Могильник Байтал-Чапкан в Черкесии. СА, XXVI, 1956, стр. 236 и сл.
- ⁶⁷ В. Ф. МИЛЛЕР. Древнеосетинский памятник из Кубанской области. МАК, III, 1893, стр. 110 и сл.
- ⁶⁸ В. И. АБАЕВ. Осетинский язык и фольклор, т. I. М.–Л., 1949, стр. 310, 311.